

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 1 ноября 1881
19 октября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденция въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желаящихъ имѣть лично объясненія ст. редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Федерализмъ, какъ основа объединенія силъ, борющихся съ деспотизмомъ въ Россіи. — 2) Нашъ отвѣтъ «Общему Дѣлу». — 3) Еще о «дружнѣ спасенія». — 4) Предстоящій процессъ 24-хъ лицъ, обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. — 5) Аресты среди воспитанниковъ Константиновскаго военнаго училища и генер. Ванновскій. — 6) Нѣчто о турецкихъ взглядахъ гр. Игнатъева, о Воронцовѣ Дашковѣ и о царскихъ забавахъ. — 7) Историческая Польша и великорусская демократія, X. М. Драгоманова. — 8) Рѣчь г. Александровича на социалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ. — 9) Подарки территоріи, сдѣланные нашими правителями иностраннымъ державамъ (письмо въ редакцію. — 10) Письмо о рабочемъ движеніи, VIII: лондонскій процессъ. Избирательная агитація. Деморализація низшихъ классовъ, какъ агитаціонный пріемъ правительства и швейцарской партіи. P. S.: результаты выборовъ.

Женева, 1 ноября.

Въ переживаемую Россіей эпоху организаціи общественныхъ силъ помимо законнаго порядка и въ значительной части вопреки этому порядку особеннаго вниманія заслуживаютъ стремленія къ объединенію группъ, борющихся за существованіе, за право самоуправленія, за народную свободу. Чрезвычайно важно положить истинныя начала въ основаніе всѣмъ желаемому уже въ настоящее время объединенію, найти не искусственныя, а изъ самой жизни вытекающія точки соприкосновенія и сразу же намѣтить область автономической дѣятельности каждой группы, необходимой для того, чтобы она могла безпрепятственно развивать свои силы, участвуя въ общемъ движеніи не какъ механической, численный или обладающій извѣстными средствами придатокъ, но какъ живой органъ живаго цѣлаго, стремящагося упрочить свое существованіе на неизбѣжныхъ основаніяхъ, а потому по самой своей природѣ противящагося поглощенію одной части своего организма другою: полное присутствіе жизненныхъ силъ въ каждомъ органѣ необходимо для здоровья всего тѣла; между

желудкомъ и руками не должно быть спора изъ-за первенства.

Ключъ къ установленію прочной связи между группами, борющимися за собственное существованіе и за всеобщее освобожденіе, уже найденъ и если по причинѣ недостаточнаго анализа средствъ борьбы еще до сихъ поръ не могъ получить широкаго примѣненія на практикѣ, то за то въ послѣднее время усвоенъ сознаніемъ большинства дѣятелей всевозможныхъ направленій, какъ положительнаго, въ кругѣ устроительныхъ работъ, такъ и отрицательнаго — оппозиціоннаго и революціоннаго.

Этимъ ключемъ служить идея федераціи и ея практическое осуществленіе.

Какъ основная идея государственнаго управленія, она проводилась въ нашемъ отечествѣ съ профессорскихъ кафедръ многими представителями науки *) въ эпоху пробужденія у насъ общественнаго самосознанія.

Какъ идея національныхъ особенностей духа, она никогда не умирала въ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ, слагавшихся среди различныхъ племенъ, населяющихъ нынѣшнюю Россійскую имперію и выражалась, наконецъ, въ особыхъ литературныхъ этнхъ племенъ, не умаляясь, а постоянно возрастая въ числѣ и достоинствѣ произведеній.

Какъ лозунгъ политическаго движенія она проснулась въ передовыхъ рядахъ негосударственныхъ народовъ Россіи, почувствовавшихъ гнетъ московскаго централизма и объединительнаго, уравнивающего всѣхъ въ общемъ безправіи императорскаго деспотизма.

Наконецъ она стала лозунгомъ социа-

*) См. рядъ статей М. Драгоманова, напечатанныхъ въ «Вольномъ Словѣ» подъ заглавіемъ «Историческая Польша и великорусская демократія».

листическаго движенія на Западѣ и проводимая социалистическими мыслителями и публицистами въ русской печати за границей и внутри имперіи начала было входить въ практику социальна-революціоннаго движенія 70-хъ годовъ.

Обостреніе революціонной борьбы на время отвлекло часть революціонныхъ силъ въ сторону централизма; якобинство стало уже нарождаться на русской почвѣ, когда ничтожность для успѣховъ революціи событія 1-го марта показала слабыя стороны централистической программы. Ея неудовлетворительность выступала тѣмъ яснѣе, чѣмъ малочисленнѣе становилась среда дѣятелей, вся же ея несостоятельность обнаружилась немедленно послѣ того, когда самая дѣятельность революціонеровъ съузилась до крайности, сосредоточилась на одномъ объектѣ, — на личности императора. Не будучи пророкомъ можно было предсказать, что событіе 1-го марта повиснетъ въ воздухѣ изолированнымъ фактомъ революціоннаго протеста, можно было утверждать съ увѣренностію, что движеніе южнорусскаго населенія противъ эксплуататоровъ народнаго труда не пойдетъ далѣе насильственныхъ дѣйствій надъ евреями.

Будь иначе, не сходи съ федеративной почвы наше юное во всѣхъ отношеніяхъ революціонное движеніе, оно пріобрѣло бы большую устойчивость въ обществѣ широтою своего распространенія, запаслось бы большимъ содержаніемъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и не оставило бы безъ послѣдствій ни одного акта революціоннаго протеста, способнаго пошатнуть старыя связи, поддерживающія ветхое зданіе русскаго полицейскаго государства.

Истина федеративнаго начала сказывается именно въ примѣненіи его на дѣлѣ. Группируя борющіяся силы по степени ихъ

жизненного сродства, федерализм сам по себе служить плодотворным зерном всякому из него вырастающему движению, которое никогда не может стать беспочвенным или перейти в область *изолированных* предприятий. Вытекая из самой жизни, он естественно идет в своем развитии практическим путем, забирая по дороге все, что самую жизнь вытягивается в начатое движение. Он ничего никому не навязывает, ничего никому не предписывает, а потому он не может оттолкнуть от участия в предпринятом движении несогласных с тою или другою подробностью программы действия. Особенность этих подробностей есть *raison d'être* каждой федеративной группы, которая потому только и состоит в связи с остальными группами федерального цѣлаго, что соприкасается с ними сторонами своего *общаго* дѣла. Федерация устраняет необходимость компромиссов, представляя каждому своему члену полную свободу действия в области непосредственно его касающихся интересов. Она вполне признает личность группы и каждой из них отводит мѣсто в общемъ союзѣ не по назначенію свыше, не по волѣ какого нибудь центрального начальства, а в силу естественного порядка вещей, на основании факта существования известной группы в данной мѣстности, в сферѣ наличныхъ интересовъ населения общины или области. Наконецъ, федеративное начало стало лозунгомъ людей, могущихъ группироваться и действовать в Россіи только на легальной почвѣ, а это такое явление, и явление крушныя величины, съ которыми прежде всего необходимо считаться нашимъ революціоннымъ кругамъ. Необходимо считаться потому, что рано или поздно имъ предстоитъ докончить дѣло народного освобожденія в размѣрахъ, недопускаемыхъ нынѣшнею рамкою законности, раздвинуть свободу личности до ея естественныхъ предѣловъ необходимой солидарности в политической и экономической жизни, а этого невозможно совершить в тискахъ централизма и вопреки естественному стремленію національностей къ автономіи.

Въ виду разрѣшенія пасущейся задачи переживаемой нами эпохи организации общественныхъ силъ по всемъ направлениямъ, мы не можемъ не приветствовать съ радостью того поворота на федеральную почву, который замѣчается в средѣ нынѣшнихъ нашихъ революціонныхъ дѣятелей, стремящихся развить освободитель-

ное движеніе до призыва къ совместной работѣ всехъ оппозиціонныхъ императорскому деспотизму группъ и организаций, каковы бы ни были ближайшія цѣли ими преслѣдуемыя. Въ такомъ смыслѣ написано какъ нельзя болѣе своевременно П. Л. Лавровымъ „Нѣсколько словъ объ организации партіи“ *). Въ такомъ же смыслѣ, надѣмся, произойдетъ и окончательное соглашеніе народовольцевъ съ группами „чернагопередѣла“, надѣмся, что это соглашеніе состоится на условіи признанія народовольцами федеративнаго начала, такъ долго и такъ опрометчиво оставляемаго ими безъ примѣненія къ дѣлу.

Мы уже отвѣтили „Общему Дѣлу“ на его неумѣстныя сомнѣнія относительно намѣреній „Вольнаго Слова“; но нашъ отвѣтъ, какъ видно, еще пуще раздражилъ редакторъ этого *никого* и *ничего* не представляющаго органа. Въ послѣднемъ номерѣ, одинъ изъ его корреспондентовъ уже не только сомнѣвается, но и грозитъ перейти отъ сомнѣній къ увѣренности. Какое же намъ до этого дѣло?! Когда противъ насъ выставить доказательства, факты, — мы сочтемъ своею обязанностию отвѣтить по содержанию ихъ. Тратить же время на опроверженіе полицейской казуистики и хитросплетеній на нашъ счетъ смичиковъ „Общаго Дѣла“ — намъ не приходится.

Та же газетка продолжаетъ увѣрять своихъ читателей, что пущенная ею для боящихся собственной тѣни сказка о „бѣломъ террорѣ“ — не сказка, а быль. Кому любо увѣрить — да увѣритъ. Но исходя отъ убѣжденія, что группамъ борющимся съ русскимъ правительствомъ, — не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ, — весьма важно знать дѣйствительныя замыслы врага, мы считаемъ долгомъ сообщить, что имѣли случай ознакомиться съ содержаниемъ устава такъ называемой „дружины спасенія“ и что въ этомъ уставѣ итъ и помину о насильственномъ лишеніи жизни лицъ враждебныхъ правительству и вообще „дружина“ не имѣетъ въ виду прибѣгать къ какимъ бы то ни было террористическимъ дѣйствіямъ.

Мы слышали, что въ непродолжительномъ времени будетъ разбираться процессъ 24-хъ (вмѣсто прежде предполагавшихся 6-ти) лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Люди хорошо осведомленные съ общественнымъ настроеніемъ говорятъ, что послѣднее далеко не благопріятствуетъ строгости приговора.

По извѣстіямъ изъ Петербурга, новость о многочисленныхъ арестахъ среди военнотанниковъ военнаго Константиновекаго училища подтверждается. Говорятъ, что

*) „Черный Передѣлъ“ № 3.

правительственные лица сильно обезпокоены оппозиціоннымъ движеніемъ в военныхъ кругахъ. Военный министр, ген. Ванновскій требуетъ смертной казни по крайней мѣрѣ для одного изъ арестованныхъ константиновцевъ, — но другія лица опасаются, что такая мѣра только подольетъ масла въ огонь. Опасеніе совершенно вѣрное, — но вся теперешняя политика правительства в Россіи есть вѣсть и огонь, и масло. Только *амнистія* и *политическая свобода* можетъ предохранить Россію отъ пожара.

Дикость *улиротворительныхъ* приемовъ генерала Игнатьева, о чемъ мы уже имѣли случай не разъ высказаться, и вынесенные имъ изъ Турціи взгляды на внутреннее управленіе государствомъ, — не находятъ себѣ сторонниковъ, какъ намъ передавали за достовѣрное, даже среди лицъ вліятельныхъ при дворѣ, за исключеніемъ развѣ министра двора Воронцова-Дашкова, тупоуміе и трусость котораго переходятъ предѣлы даже вѣшняго приличія. Теперешнему министру внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, не пришлось бы уже болѣе возмущать человѣческое достоинство своими выходками противъ свободы мнѣнія и неоспоримыхъ правъ личности на защиту закономъ отъ произвола агентовъ власти, если бы минувшее царствованіе оставило по себѣ подѣ трона хотя бы одного свѣтлаго человѣка. Додуматься же до выбора способныхъ правителей изъ среды людей, указанныхъ царскимъ избраніемъ — нашему самодержцу, по вѣдому, не подѣ силу. Говорятъ, любимое его занятіе состоитъ въ счетѣ стѣбасныхъ за высочайшимъ столомъ апельсинъ, провѣркѣ гардеробныхъ принадлежностей, чистла заводовскихъ кобылъ и хрѣновскихъ производителей, что, будто бы, утѣшаетъ его въ тоскѣ по отсутствію лучшаго изъ русскіхъ подданныхъ игрока въ мячъ генерала Баранова, съ замѣчательнымъ искусствомъ состязавшагося съ царемъ въ этой глубокомысленной забавѣ, которая, если чаять вождѣльніями московскихъ пророковъ, одна только и могла повести къ *непосредственному* единенію верховной власти съ народомъ“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

И ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

Х.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ рациональнымъ отношеніемъ къ Польшѣ в великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, повторилось и въ социальномъ движеніи 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направленіе, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потусклоло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между про-

чимъ и потому, что нѣкоторые изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и тутъ была фатальная насѣдственность и оппозиціей тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствій, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную съ гораздо болѣе рафинированными приемами, чѣмъ въ прежнее, николаевское время: въ 1863 г. были запрещены украинскія книги педагогическаго содержанія, въ 1864 г. великорусскій языкъ былъ признанъ единственнымъ языкомъ школьнымъ въ Россіи собственно, съ 1866 г. даже вопреки положенію 1864 г. началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ языковъ изъ школъ въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ школахъ Кавказа; и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ отчасти острѣйшихъ губерній, воспреобладала, вмѣстѣ съ министерствомъ гр. Толстого, всеобруствительная катковщина, которая стремилась пролѣзть даже въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чуждѣ либѣ мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школахъ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, — о чуждѣ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Молодое поколѣніе должны были воспитываться въ убѣжденіи, что Россія не только „едина и неделима“, какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому, который потому никакъ не вытѣсняется, что все таки онъ самъ по себѣ составляетъ протестъ казенному единству, — но даже „единообразна“ *). Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ социалистической оппозиціи 70-хъ годовъ, — и было бы противуестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, — а на это, во первыхъ, нужно было особенное время, а во вторыхъ именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламаций Бакунина, перенесеніе къ научнымъ запитіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учебы“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы социальной оппозиціи. Отъ этого отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась влиянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также влиянію

лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ, — вожаковъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи, — и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы, благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбежно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада, — просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которые наиболѣе налезали на глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для социальной — нѣмецкая социальная демократія, — обѣ централистическія, и обѣ пробуемыя на пространствахъ въ 10—12.000 квадратныхъ миль, а нѣмецкая социальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (38 милліоновъ нѣмцевъ, 2½ м. поляковъ, 150.000 литовцевъ, 60.000 чеховъ, и 150.000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ социалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, — что объясняется, какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, — сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ социалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ, и наконецъ по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ социалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи и которые, особенно свирѣ северозападныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ социалистовъ съ нѣмцами.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но всемъ неприменимой къ Россіи, нѣмецкіе социалисты имѣютъ, — а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ — и свои спеціальныя взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественныя съ ихъ точки зрѣнія, но тоже всемъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе социалисты пробовали провести и среди социалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., — при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ из-

гнаннаго брауншвейскаго герцога *). За тѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 Сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашнему польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгрессѣ Международнаго общества, въ которомъ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ социальнo-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, женской работѣ и т. д.) и такой всемъ частный и національно-политическій вопросъ, — какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ восстановленія Польши на началахъ демократическихъ и социальных“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г., въ Женевѣ, — весьма интересное разногласіе между делегациями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ ан-архистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Международнаго Общества — вышеупомянутое разногласіе делегаций французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегация французская высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизму во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'emancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противопоставляетъ народы одинъ другому. — Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. — Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгрессъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградой. Собраніе хотѣло уничтоженіе постоянныхъ армій, но пока нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ восстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но который интересуется Германію специально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларация въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми члена-

*) Интересно, что слова «Богдану Хмельницкому единая, неделимая Россія», — явный переводъ съ якобинскаго «une et indivisible», предложены были извѣстнымъ реакціоннымъ доносчикомъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

*) См. объ этомъ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1881, № 1, 80, извлеченіе изъ записокъ Лашинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

ми нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ эти мнѣнія."

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ *). Вышемы напомнимъ, что недавно Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волѣи и въ Австрiи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самонадеянности (Uebermuth) и нерасположеніе къ славянамъ, которыхъ въ Германіи считаютъ Россію представительницею и защитницею, — чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ рассматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи **). Но у нѣмецкихъ революціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложенное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 г. германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскими войсками, — силы котораго возстапіе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, — слѣдовательно демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ“. Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями, — а тѣхъ провинцій исторической Польшы, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ располагать самими собою“, — нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ, и при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и съ государственной точки зрѣнія „некультурнымъ“, очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи, — и однако нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла

*) Въ 1880 г., г-нъ Беккеръ былъ приглашенъ представлять въ митингѣ въ Женевѣ, созванномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ „да здравствуетъ Польша!“ крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!“ Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, — но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. члены генеральнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: „да здравствуетъ Польша!“

*) Интересно, какъ говоритъ объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „есетъ ограниченныя умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не беру; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите, — чтобы не говорить о своихъ, — (Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кланяющихся своимъ космополитизмомъ, и взгляните въ ихъ эту ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бы эта ненависть была сопряжена съ какимъ нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, поразили бы свои цѣли, я бы полюбилъ это. Совѣтъ не то. Такъ какъ среднѣвѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклятыхъ умовъ“. (Колоколъ, 16 января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посл. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграціи“, о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакуининъ, и Герценъ, — особенно первый, являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ социаль-демократовъ, которые начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

Впрочемъ и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, воспреобладало централистически-обрустительное направленіе, — мы сказали бы противунаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной, великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрустителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрустители почему то не начинали исполненіе этого „требованія всемірнаго прогресса“ съ стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человечества вовсе не противна идеѣ національности, — а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего человечества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и соседствомъ индивидуумовъ, общими и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человека составляется и *продолжается составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самаго этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человека, а напротивъ того, ихъ постоянного развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національную антипатію, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности всякій практическій „Интернаціональный союзъ“, въ родѣ напр. „Международнаго Союза Рабочихъ“, не только не исключаетъ союзовъ національныхъ, но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положеній Интернаціонала вѣнскихъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „национальные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась поленость, влѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, état и pays народъ, страна и государство, смѣшеніе, которое всего болѣе проистекаетъ отъ нѣмцевъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно *), Впрочемъ, уже

*) Объ этомъ смѣшеніи и вообще о значеніи на-

самое допущеніе въ главный совѣтъ Интернаціонала представителя Польши, — котораго теперь не составляетъ государства, — показываетъ, что даже учредители Интернаціонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ гасе, langue, а современемъ среди социалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: „интернационалисты или социалисты такого то языка“ (напр. даже у нѣмцевъ: Der Social-Demokrat, Organ der Sozialisten der deutschen Zunge)

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація“, „національный“, — и употребленія его на французско-якобинскій манеръ въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрустения произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе социалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединитесь!“ — въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрустывайтесь!“ Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ социалистовъ не пропонсировалъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ, что ихъ система дѣйствія соответствуетъ именно такой формулѣ, но тѣмъ не менѣе если не въ теоріи, то на практикѣ „русскіе“ социалисты въ своей сферѣ были такими же интеллигентно-обрустителями, — какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и социалистовъ, и всякихъ національныхъ автопомисловъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго социалистическаго движенія въ 70-е годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго общенационально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 г. Между прочимъ онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая, — какъ и петербургскіе „чайковцы“, — имѣла въ виду политико-соціальное самообразованіе и пропаганду, — только, сообразно украинскимъ правамъ, не носила клички, замаскированной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ запискахъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы т. наз. социальнаго и женскаго вопросовъ, — а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о социальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему, обычаю мы

національностей и государствъ, какъ *основъ* (операционныхъ базисовъ) для организаціи социалистическихъ партій мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Силка — La fédération — Вольный союзъ“, 1881, № 1 „Естественныя обязанности и пропаганда социализма на илебейскихъ языкахъ Восточной Европы.“

старались дать слушателямъ, какъ можно больше, фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ чтобы слушатели могли самостоятельно проверить насъ, даже если бы и не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались препіи, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

—Все это, *можетъ быть*, и вѣрно, — но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чемъ то особомъ, вписите раздѣленіе въ наши силы!“

Mutatis mutandis, — это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинскаго Шихматова, — по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ кievскаго округа (Мы доказывали невозможность игнорирования мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ“, только у него этотъ врагъ была — Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями „нигилиста“, было, конечно, „отчего въ отчаяніе прійти“. Но, скурѣвъ сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

—Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстные мнѣнія, — такъ вотъ я, вполне одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, — указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать и указать Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыми Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности“.

—Все это, такъ, но Вы говорите все объ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

—Я говорилъ объ Украинѣ, потому что такъ выбрался сюжетъ, и потому что я, да и Вы, — думаемъ дѣйствовать именно на Украинѣ, но въ такомъ же родѣ можно было бы повести рѣчь напр. и о Швеціи, или Италіи, Литвѣ, Арменіи и т. п., если бы кто изъ насъ вздумалъ зацѣпиться именно этими странами. О томъ же, точно ли Украина представляетъ такія особенности, — отчего? — отъ великороссіи напр., какія я въ ней вижу, — это вопросъ отдѣльный, котораго я едва коснулся, и дѣйствительно любопытный; я готовъ о немъ спорить; теперь я представляю Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ между прочимъ на эти особенности и допускаю возможность, что я многое подобраю ошибочно и односторонне, — конечно, — безъ умысла, а потому очень буду радъ, если кто либо, Вы напр., дополните или даже опровергнете мои факты и дадите новые. Но только такъ и знайте, что если Вы не опровергнете моего положенія, что украинская жизнь представляетъ массу чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни напр.

великорусской, то должны будете признать необходимость спеціализаціи всякой культурной, политической и соціальной дѣятельности на Украинѣ. Хотите, — приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная напр. съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался, — и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ, въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Украинѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, социалистовъ“ и пр., — извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ, — но все наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніемъ вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ, — былъ (да простятъ намъ это унодобленіе) вопросъ шедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „за чѣмъ?“ А когда мы имъ объясняли, — что *за тѣмъ*, чтобы наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ, — они намъ отвѣчали по большей части фразами о единствѣ рода человеческого, существующемъ, или будущемъ, съ прибавкою потаціи о необходимости космополитической солидарности, и о вредѣ національной исключительности, потаціи, которые уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ“ или человечеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада“, когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастья увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей, — ни необходимости нарочито приспособленія къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими классами, напр. по языку, — самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернационалистами, и даже „пародниками“.*)

Страшные интернационалисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человечества, да еще социалистическаго, они подсовываютъ намъ государство, аристократическое, бур-

*) По части интернационализма положеніе дѣлъ дошло до полного комизма: напримеръ, небольшая группа украинскихъ социалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски, — тогда какъ еще ни одинъ великорусскій, или польскій социалистъ не издалъ ни строчки по украински, — и въ то же время изъ среды ихъ раздаются голоса, которые усиливаются представлять именно украинскихъ социалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., В. Лимаповскаго и Аксельрода въ *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* и нашу замѣтку «Der kleinrussische Internationalismus», тамъ же).

жуазное и бюрократическое, — и при томъ неизбежно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „націонализма“ вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давить чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто между-народности обезнародиванія поддерживаетъ только монополию привилегированныхъ, официальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не повсчастливилось сохранить свою государственную независимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, — и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдо-космополитовъ изъ противниковъ „общаго врага“ въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“ имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него все національности равны, — прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ“.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РѢЧЬ Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА

на социалистическомъ конгрессѣ въ Хургъ.

Я присутствую здѣсь не въ качествѣ делегата и не ожидалъ, что мнѣ предложено будетъ рассказать о состояніи социалистическаго движенія въ Россіи. Я поэтому и не приготовилъ никакого отчета по этому вопросу. Вслѣдствіе этого я ограничусь только краткимъ указаніемъ причинъ непопавленія на международномъ конгрессѣ делегата отъ русскихъ социалистовъ. Это указаніе дастъ въ то же время нѣкоторое представленіе о состояніи и условіяхъ социально-революціоннаго движенія въ Россіи.

Ближайшая и болѣе очевидная причина непопавленія на этомъ конгрессѣ делегата отъ Россіи заключается въ положеніи русскихъ революціонеровъ послѣ 13 Марта. Страшныя преслѣдованія дѣлали невозможнымъ для болѣе энергичныхъ и вліятельныхъ членовъ постоянное пребываніе въ одномъ мѣстѣ; многимъ приходилось чуть не еженедѣльно мѣнять свое мѣсто-пребываніе, и бывали случаи, когда нелегальный человекъ, пріѣхавъ въ какой нибудь городъ, долженъ былъ немедленно уѣхать, потому что мѣстнымъ товарищамъ невозможно было доставить ему сколько нибудь безопасное убѣжище. Присоедините къ этому массу арестовъ, высылку въ Сибирь и т. п. — и вы легко поймете, что въ социалистическихъ группахъ должно было наступить временное разстройство и нѣкоторое затиханіе въ ихъ дѣятельности. Очевидно, что первыя усилія вліятельныхъ членовъ должны были быть направлены, при такихъ обстоятельствахъ, на возстановленіе организаціи и дѣятельности революціонныхъ

элементовъ и на пополненіе ихъ рядовъ. При такой напряженно-лихорадочной дѣятельности, окруженной столькими опасностями и трудно вообразимыми препятствіями, неудивительно, что революціоннымъ группамъ въ Россіи трудно было удѣлить долю вниманія и усилій на отправку делегата на международный конгрессъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ влѣшнихъ обстоятельствахъ заключается *главная* причина отсутствія делегата отъ русскихъ социалистовъ. Они во всякомъ случаѣ могли бы прислать мандатъ тому или другому изъ извѣстныхъ имъ эмигрантовъ. Главная причина безучастія русскихъ социалистовъ къ интернаціональнымъ конгрессамъ вообще заключается въ отсутствіи практически осознательныхъ точекъ соприкосновенія между революціоннымъ движеніемъ въ Россіи съ одной стороны и Западной Европы—съ другой.

Въ Россіи прежде всего отсутствуетъ сколько нибудь значительная организація рабочихъ, которая просто на почвѣ повседневной борьбы съ хозяевами имѣла бы пріямую и очевидную выгоду отъ тѣсной связи съ рабочими партіями Запада. Я не хочу этимъ сказать, что у насъ нѣтъ социалистовъ среди рабочихъ. Наоборотъ, безъ преувеличенія можно сказать, что въ общей сложности въ Россіи найдется и теперь нѣсколько тысячъ рабочихъ съ социалистическими тенденціями и во всякомъ случаѣ способныхъ при сколько нибудь благоприятныхъ условіяхъ образовать серьезную рабочую партію, хотя и не очень обширную въ смыслѣ западно-европейской. Но громадное большинство этихъ рабочихъ—люди обыкновенные, не герои, многіе вдобавокъ семейные, словомъ—они принадлежатъ все-таки къ той категоріи, которая обозначается словомъ „масса“. Невозможно требовать, чтобы всѣ эти рабочіе шли добровольно и сознательно на каторгу и на висѣлицы, — словомъ, чтобы они проявляли систематически такой стойкій героизмъ, на который способны исключительныя личности. При всемъ томъ въ главныхъ центрахъ не разъ возникали рабочія организаціи, состоявшія изъ федераций нѣсколькихъ мѣстныхъ группъ. Бывали даже попытки образовать союзы между организаціями разныхъ городовъ. Но при малѣйшемъ подозрѣніи или событіи, пріюдящемъ жандармерію въ лихорадочное состояніе, десятки преданнѣйшихъ и инициативныхъ рабочихъ высылаются административно въ Сибирь или арестуются на многіе годы въ тюрьму. Естественно, что при такихъ условіяхъ трудно было, по крайней мѣрѣ до настоящей минуты, возникнуть многочисленной рабочей организаціи, которая на почвѣ стачекъ и т. п. легко поняла бы свою тѣсную связь съ международнымъ социальнo-революционнымъ движеніемъ. По этимъ же причинамъ наиболѣе даровитыя и героическія натуры нашего рабочаго класса пристають непосредственно къ революціоннымъ группамъ изъ интеллигенціи, въ особенности къ „исполнительному комитету“. Движеніе наше не носитъ, такимъ образомъ, характеръ *организованной сословной* борьбы, хотя и у насъ, какъ и всюду, суще-

ствуетъ антагонизмъ между разными общественными классами.

Не смотря на отсутствіе у насъ въ буквальномъ смыслѣ слова рабочей партіи или крупныхъ рабочихъ организацій, практическая связь между русскими социалистами и западно-европейскими все же могла бы установиться, если бы условія дѣятельности и въ сосѣднихъ странахъ настолько совпадали бы съ нашими, что являлась бы необходимостью въ организаціи взаимной помощи—въ путяхъ сообщенія (тайныхъ)—для перевозокъ запрещенныхъ вещей, писемъ и т. п. Правда, о всѣхъ такихъ вещахъ не разговариваютъ на международныхъ конгрессахъ и организація подобныхъ сношеній устраивалась бы специальными группами на строго конспиративныхъ началахъ. Но одно существованіе подобныхъ практическихъ связей на столько дѣлало бы осознательной, для руководящихъ революціонныхъ группъ Россіи, солидарность или, еще точнѣе, прямую зависимость успѣха ихъ дѣла отъ общевропейскаго революціоннаго движенія, что интересъ къ международнымъ конгрессамъ возросъ бы въ очень значительной степени, и хлопоты и издержки на отправку делегата казались бы для всякаго социалиста въ Россіи существенно полезными для нашего движенія. Но характеръ и условія социалистическаго движенія въ пограничныхъ государствахъ существенно отличаются отъ нашего. Правда, въ Германіи въ последнее время вынуждены были выступить на путь тайной организаціи и пропаганды, и въ этомъ обстоятельствѣ уже дана почва для практическихъ связей съ революционными группами въ Россіи. Но, во первыхъ, социалисты Германіи еще новички на почвѣ конспираціи, а во вторыхъ, разница между приемами ихъ дѣятельности и нашими еще очень велика. Не говоря уже о значительной разницѣ въ политическомъ гнетѣ, не слѣдуетъ забывать, что въ Германіи и теперь даже правительство представляетъ собою все-таки агента экономически привилегированныхъ классовъ и *непосредственно* опирается хотя бы на классъ землевладѣльцевъ, а отчасти и крупной буржуазіи. Первостепенную роль въ подавленіи низшихъ классовъ играютъ все-таки политически организованныя имущественныя сословія. Правительственные лица не могутъ здѣсь считаться одними отвѣтственными за преслѣдованія социалистовъ и подавленіе рабочаго движенія. Последнее является организованной борьбою низшихъ классовъ противъ высшихъ—и система террора противъ представителей власти быть можетъ еще и въ данную минуту была бы нецѣлесообразной въ Германіи. Впрочемъ, Бисмаркъ постарается довести и нѣмецкихъ социалистовъ до употребленія динамита и т. п. по отношенію къ своимъ угнетателямъ, и тогда тѣсный союзъ между ними и русскими социалистами сдѣлается вопросомъ необходимости. Но каково бы ни было отношеніе социалистовъ въ Германіи къ подобнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ въ Россіи, послѣднія являются необходимостью и не могутъ быть отрицаемы даже съ принципиально-

соціалистической точки зрѣнія. Наше правительство не опирается на какой нибудь, хотя бы консервативный, классъ общества. Развившись изъ историческихъ условій, оно въ настоящее время опирается только на массы чинowników и солдатъ, представляя собою разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и безпощадно подавляющую всякую оппозицію, изъ какого бы класса общества она не исходила. Искреннихъ защитниковъ у него нѣтъ или очень мало. Значительная часть общества индифферентна въ борьбѣ революціонныхъ элементовъ съ правительствомъ. Недовольные же элементы всѣхъ классовъ прямо или косвенно содѣйствуютъ революціоннымъ группамъ и специально „исполнительному комитету“—какъ центру борьбы противъ общаго врага. Такимъ образомъ, борьба ведется собственно между двумя организованными группами—революционнымъ меньшинствомъ съ одной стороны и правительствомъ, съ другой. Желая собственными силами подавить революцію ради своихъ личныхъ интересовъ, правительство должно само и нести отвѣтственность за всѣ свои звѣрскія дѣянія. Социалисты не требуютъ отъ него коренныхъ социальныхъ преобразованій, понимая, что эта задача не по силамъ ему; только отреченія отъ варварскаго самоуправства, препятствующаго развитію общественной инициативы и организаціи народныхъ элементовъ въ сознательно и открыто защищающую свои интересы народную партію—вотъ единственное требованіе социалистовъ отъ абсолютистскаго правительства.

И такъ, весь характеръ нашего движенія существенно отличается отъ социалистическаго даже въ Германіи, не смотря на его нелегальную форму, и почва для тѣсной связи между ними пока еще отсутствуетъ. Но мало того, въ Россіи даже не знаютъ въ точности, какъ нѣмецкая социальная демократія и западно-европейская вообще относятся къ тамошнимъ социалистамъ. Русская эмиграція, конечно, прилежала къ рабочему движенію Запада, и живо интересуется имъ. Она сознаетъ важность участія русскихъ социалистовъ на международныхъ конгрессахъ, даже помимо непосредственно практическихъ результатовъ, просто съ точки зрѣнія объема идей и упроченія моральной солидарности. Но живущіе въ Россіи имѣютъ только самыя общія представленія о ходѣ рабочаго движенія на Западѣ и его горячаго сочувствія ихъ борьбѣ. Въ Россію не пропускаются не только социалистическія газеты, но и радикально-републиканскія, даже „République Française“ и т. п. органы проходятъ туда съ замаскированными чернилами страницами, на которыхъ находятъ сообщенія неудобныя русскому правительству. Конечно, извѣстія о такихъ громкихъ проявленіяхъ симпатій рабочихъ классовъ Запада къ нашему движенію, какъ агитация во Франціи противъ выдачи Гартмана и по поводу Гельфманъ, доходятъ и въ Россію, хотя и отрывочно. Но къ сожалѣнію подобныя манифестаціи устраивались до сихъ поръ только въ одной Франціи, и

если бы такие факты чаще повторялись и в других свободных странах, то в России конечно живые чувствовали бы значение присылки делегатов на международные рабочие конгрессы в интересах укрепления взаимной солидарности, по крайней мере, моральной—до поры до времени. Как слабо сознание в России практического интереса в участии представителей от революционных групп на международных соц. конгрессах, благодаря указанным мною причинам, вы можете видеть из следующего факта. Некоторые из моих товарищей, живущих за границей, обратились к группам „Ч. П.“ в Питере с предложением поручить кому нибудь из эмиграции представительство на конгрессе. Группа эта ответила, что хотя она не видит теперь практического значения в упомянутом предложении, она тем не менее даст полномочие на представительство мне, если мы найдем это полезным. Я отклонил это предложение, не считая возможным являться представителем революционного движения в России, не получив предварительно формулированного мандата и отчета о состоянии движения; я не мог принять полномочия на представительство при таких условиях, тем более, что уже больше года с четвертью нахожусь в чужой родине. Как бы то ни было, этот факт характеризует господствующее настроение у нас по отношению к представительству на международных конгрессах, настроению, обусловливаемому указанными мною обстоятельствами. Один из предыдущих ораторов заметил, что желательным было бы знать отношение „исполнительного комитета“ к разногласиям между „социальными демократами“ и „анархистами“. Я должен заявить, что при отрезанности русских социалистов от европейско-американского рабочего движения, они не могут даже и знать об этих разногласиях или иметь о них во всяком случае смутное представление. Если можно говорить, при таких условиях, об отношении наших революционных групп к действующим социалистическим фракциям, то оно нейтральное и иным быть не может.

Скажу еще несколько слов о взаимных отношениях фракций „Ч. П.“ и „Н. В.“ Германский делегат заметил сегодня мимоходом, что разница между ними та, что первая стоит исключительно на почве пропаганды, вторая—на почве террора. Это неверно. При текущих обстоятельствах в России невозможно революционным элементам ограничиться одной пропагандой, как се здесь понимают. Разница между ними состояла, по крайней мере прежде, (я напоминаю, что я давно из России и следовательно могу ошибиться относительно текущего положения дел) в том, что „Н. В.“ требовала сосредоточения деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы—пускал в ход, как террор, так и пропаганду: между тем, как „Ч. П.“ напирала на сосредоточение сил в деревне и на возбуждение духа протеста в крестьянстве—также путем пропаганды и террора—на-

примѣръ, противъ особенно ненавистныхъ народу своей эксплуатацией правительственныхъ и даже частныхъ лицъ. Приверженцы „Ч. П.“ указывали особенно на то обстоятельство, что терроръ противъ крайне жестокихъ эксплуататоровъ народа, производитъ такое же возбуждающее дѣйствіе на оппозиціонное настроеніе народа и сдѣлаетъ провинціальную партію столь же популярною въ его средѣ, какъ городской терроръ по отношенію къ интеллигентнымъ слоямъ общества. Нельзя далѣе сказать, чтобы фракція „Н. В.“ отличалась отъ „Ч. П.“ меньшей преданностью социализму, какъ думаютъ некоторые. По крайней мѣрѣ относительно членовъ „Исполнительнаго комитета“ я могу съ полнымъ убѣжденіемъ заявить, что они глубоко проникнуты социалистическими идеями. Мало того, многіе изъ нихъ, между прочимъ, Перовская и Кибальчичъ даже въ тактическомъ отношеніи сочувствовали „Ч. П.“ и стояли въ рядахъ „Н. В.“ только въ надеждѣ, общими усиліями скорѣе избавиться отъ абсолютизма, чтобы затѣмъ приняты за несравненно болѣе симпатичную имъ работу среди народа. Только немногіе члены „Н. В.“, какъ напр. героическій Желябовъ, особенно на старости летъ агитации преимущественно радикально-политическаго характера, въ виду соображеній чисто практическихъ, именно: возможно скорого непрочверженія деспотизма и продолженія пути къ болѣшему развитію народныхъ силъ. Словомъ, принципиально и всѣ члены „Исп. ком.“ цѣликомъ стоятъ на почвѣ социализма. Вообще не нужно упускать изъ виду, что тактика и программа „Н. В.“ возникла не по напередъ составленному плану или принципу, а постепенно, почти непроизвольно, подъ вліяніемъ страшныхъ преслѣдованій правительственныхъ и крайней трудности образованія истинно народной партіи при обстоятельствахъ, въ которыхъ очутились пропагандисты изъ интеллигенціи. Чтобы ближе стать къ народу, большинство искреннихъ пропагандистовъ рѣшилось въ началѣ 70-хъ годовъ посвятить себя физическому труду. Но сразу сдѣлаться хорошимъ рабочимъ, конечно, невозможно. Болѣе терпѣливые тратили по нѣскольку лѣтъ на изученіе ремесла; натуры болѣе стремительныя отправлялись въ среду крестьянъ безъ всякихъ профессиональныхъ знаний, облакаясь только въ народный костюмъ. Но тѣ и другіе, въ большинствѣ случаевъ, не могли пріобрѣсти среди народа уваженія, какъ люди практическаго дѣла, въ будничномъ, хозяйственномъ смыслѣ слова. При этомъ, чтобы не возбудить подозрѣній властей относительно своего происхожденія, необходимо было воздерживаться отъ удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ потребностей интеллигентнаго человѣка — чтенія книгъ, журналовъ, а то и газетъ. Рабочій, посвящающій свои досуги подобнымъ занятіямъ—личность очень подозрительная для русскаго полицейскаго или жандарма. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что вліяніе пропагандистовъ въ народной средѣ росло далеко не съ такой быстротою, какъ многіе надѣялись, что въ связи съ варварскими преслѣдова-

ніями постепенно выработалась мысль о высту-
плении на путь болѣе интенсивной борьбы, а затѣмъ и о *временномъ* концентрировании силъ на борьбѣ за освобожденіе России отъ абсолютизма. О принципиальномъ отреченіи отъ социализма не можетъ быть, следовательно, и рѣчи, и съ этой стороны нѣтъ различія между обѣими фракціями. Но разница между ними проявилась, помимо вопроса о *центре* дѣятельности, по отношенію къ политическимъ требованіямъ. „Нар. В.“ выдвинула политическимъ лозунгомъ созваніе земскаго собора, „Ч. П.“ высказалась противъ этого требованія, какъ несоответствующаго разнообразію составныхъ элементовъ чудовищно обширной имперіи. Невозможно представить себѣ такого парламента, который сколько нибудь сносно могъ бы регулировать разнообразные интересы столь разнообразнаго населенія — возражали изъ рядовъ фракціи „Ч. П.“ Поэтому центромъ тяжести политическихъ требованій должно быть требованіе общинной и областной автономіи и свободныхъ федераций населенія разныхъ мѣстностей.

Повторяю еще разъ, что я уже больше года изъ России, и все сказанное мною относится къ прошедшему. По новѣйшимъ же свѣдѣніямъ можно заключить, что обѣ фракціи сближаются между собою и быть можетъ скоро сольются въ одну организацію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что фракція „Н. В.“ на дѣлѣ давно уже энергично принялась за организационную работу среди городскихъ рабочихъ и вызываетъ къ молодежи о необходимости приняты за агитацию въ крестьянствѣ. Она ясно высказалась за устремленіе революціонныхъ элементовъ на подготовленіе народнаго возстанія. Съ другой стороны „Ч. П.“ признаетъ необходимость специально политической борьбы для избавленія народа отъ гнета абсолютизма. Обѣ фракціи отказались отъ нѣкоторыхъ своихъ крайностей и всемо вѣроятно, что онѣ скоро выступятъ на борьбу противъ современнаго строя соединенными силами.

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать на причины одного весьма страннаго обстоятельства. „Исп. ком.“ рядомъ героическихъ усилій проявилъ свою дѣятельность. Группа „Ч. П.“ ни однимъ крупнымъ фактомъ не заявила о своемъ существованіи. Непосредственная причина этого явленія заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что наиболѣе опытные и предпримчивые въ дѣлѣ организаціи люди съ самаго начала раздѣленія оказались въ „Исп. ком.“ и, какъ показываетъ само названіе, группа, составившая его, уже до раздѣленія представляла собою особую организацію. Группа же „Ч. П.“ образовалась изъ лицъ отчасти состоявшихъ въ одной общей организаціи съ членами, вошедшими въ фракцію „Н. В.“, отчасти изъ лицъ, не состоявшихъ ни въ какой организаціи. Имъ нужно было на скоро организовать и выработать планъ дѣйствій въ духѣ своей программы. Для этого, кромѣ вышнихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, нуженъ былъ контингентъ особенно даровитыхъ организаторовъ. Но ни того, ни другого не оказалось. Былъ,

правда, въ группѣ „Ч. П.“ одинъ членъ съ выдающимися организаторскими способностями—Стефановичъ,—по ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами пришлось по настоянію самихъ товарищей уѣхать за границу, такъ какъ опасались очень настоячивыхъ поисковъ со стороны полиціи. Вскорѣ арестована была типографія „Ч. П.“—и на смѣну сравнительно опытныхъ руководителей фракціи должны были выступить люди, стоявшіе до сихъ поръ внѣ непосредственно-революціоннаго дѣла, и только косвенно помогая ему. При такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какія наступили въ Россіи послѣ московскаго взрыва, печего было и рассчитывать, чтобы эта молодежь могла въ короткое время пріобрѣсть хотя бы ту опытность, какую выработали въ себѣ многими годами практики лица, вошедшія въ составъ исполнительнаго комитета.

ПОДАРКИ

ТЕРРИТОРИИ СДѢЛАННЫЕ НАШИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ ИНОСТРАННЫМЪ ДЕРЖАВАМЪ.

(Письмо къ редактору).

Милостивый Государь!

Принося Вамъ глубокую благодарность за помѣщеніе въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ письма, въ которомъ я изложилъ нѣкоторыя особенности, характеризующія нашу дипломатію и условія ея дѣятельности, я прошу у Васъ позволенія указать на нѣкоторыя странности нашей дипломатической исторіи, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстныя въ обществѣ.

Я держусь того мнѣнія, что насколько важно соблюденіе тайны во время переговоровъ или вообще во время совершенія внѣшне-политическихъ событій, настолько полезно, не для одной публики, но и для самой дипломатіи, полное освѣщеніе событій уже перешедшихъ въ исторію. Правильно организованной и руководимой свѣше въ духѣ національныхъ интересовъ, дипломатія долженъ быть предоставленъ нѣкоторый просторъ въ выборѣ средствъ для достиженія указанныхъ ей цѣлей, но разъ ея дѣйствіе окончено, наступаетъ время разсмотрѣть, успѣшно ли она дѣйствовала, вѣрно ли она выполняла національныя задачи, и наконецъ—хорошо ли были поняты эти задачи самими высшими руководителями иностранной политики.

Такое разсмотрѣніе и обсужденіе результатовъ дипломатической дѣятельности свободно производится въ каждомъ европейскомъ государствѣ въ парламентѣ, прессѣ, на митингахъ и т. д., и если этимъ не всегда предупреждаются ошибки дипломатовъ, то по крайней мѣрѣ, онѣ выводятся наружу и составляется ясное понятіе, какъ о ходѣ внѣшней политики за послѣдній періодъ времени, такъ и о положеніи имъ созданномъ для страны. Только въ Россіи (да еще въ Турціи), высшее руководство признаетъ неудобнымъ всякое разоблаченіе дипломатическихъ тайнъ, хотя бы онѣ относились къ уже безповоротно рѣшеннымъ вопросамъ; оставляемое же въ потемкахъ, общество обсуждаетъ ея вѣсело всю диплома-

тію и ея дѣятельность. Отчего бы, напримеръ, не напечатать синюю, красную или съ какой нибудь другой цвѣтной оберткой книгу о послѣдней Восточной войнѣ, чтобы разъ на всегда положить конецъ всѣмъ пререканіямъ о ней, и чтобы общество узнало, хоть теперь,—за что велась война, была ли она нужна или неизбежна, почему были достигнуты такіе результаты, а не другіе, и какіе именно результаты были бы наиболѣе желательны? все это, конечно, нѣтъ надобности объявлять догматически, а слѣдуетъ предоставить самому обществу сдѣлать заключеніе изъ почтасмыхъ документовъ.

Если на это не рѣшится власть имущіе, то нельзя ли было бы начать печатаніе, въ издающихся вдали отъ цензуры русскихъ газетахъ, частныхъ сообщеній компетентныхъ лицъ, хотя бы только въ надеждѣ вызвать объясненія и поправки изъ оффиціального источника. Не причисляя себя къ совершенно компетентнымъ лицамъ, я ограничиваюсь здѣсь выраженіемъ этого желанія, и буду ждать инициативы съ болѣе авторитетной стороны, по мнѣ хотѣлось бы, однако, не откладывая далѣе, подкрѣпить нѣкоторыми историческими фактами одно замѣчаніе высказанное мною въ предыдущемъ письмѣ.

Я замѣтилъ тамъ, между прочимъ, что въ высшемъ руководствѣ нашей внѣшней политики, первенствующую, рѣшающую роль играли личные предпочтенія и предубѣжденія нашихъ правителей или наиболѣе вліятельныхъ лицъ; войны и тракаты, пріобрѣтенія и утраты территорій слишкомъ часто зависѣли отъ ихъ личнаго характера или даже минутнаго настроенія.

Я говорю объ *утратахъ* территорій, тогда какъ наши подцензурные публицисты, а слѣдуя ихъ примѣру или собственнымъ расчетамъ, и публицисты и политики Запада, говорятъ только о *пріобрѣтеніяхъ* Россіи, о которой и составилось такимъ образомъ мнѣніе какъ о завоевательной странѣ *par excellence*. Что уступки бывають иногда необходимы, отъ нежеланія ли напрягать силы страны въ борьбѣ не обещающей благопріятнаго окончанія или отъ несоразмѣрной маловажности выгодъ общающихся даже успѣшною борьбою,—это совершенно вѣрно. Но я имѣю здѣсь въ виду такія уступки, которыя вовсе не были вынуждены ни оправдываемы обстоятельствами, а составляли просто *подарки русской территоріи иностраннымъ государствамъ*.

Для полноты ихъ историческаго перечня, я позволю себѣ начать немного изъ далека, но буду останавливаться преимущественно на фактахъ ближайшаго времени.

Дипломатія до-петровскаго періода такихъ подарковъ, сколько мнѣ извѣстно, не дѣлала, потому можетъ быть, что тогда дипломатія, въ европейскомъ смыслѣ еще не существовала.—Первый подарокъ былъ сдѣланъ Меншиковымъ королю прусскому по договору въ Шведтѣ въ 1710 г. изъ завоеванной русскими у шведовъ Помераніи; Петръ Великій былъ неутѣшенъ отъ такого поступка любимца, но долженъ былъ уважить совершившійся фактъ, который послужилъ пер-

вымъ прецедентомъ для несчетныхъ услугъ оказанныхъ нами Пруссіи. — Слѣдуя оговориться, по случаю этого перваго примѣра, что я вовсе не стою за удержаніе всякаго завоеванія и за обращеніе его въ часть государства, съ которымъ оно не имѣетъ естественной связи; я полагаю, однако, что территоріи, купленные кровью нашихъ согражданъ и податною силою государства, не должны быть уступаемы произвольно и безъ возмездія; ихъ слѣдуетъ обмѣнивать на болѣе полезныя территоріи или на коммерческія и другія, осязательныя для страны, выгоды.—Продолжаю перечислять. Въ 1726 г., Екатерина I уступаетъ Персіи, даритъ въ полномъ смыслѣ слова, прикавказскія пріобрѣтенія Петра Великаго, которыя черезъ 70 лѣтъ приходится завоевывать вторично.—При императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ, русское войско и русскіе финансы употребляются на служеніе интересамъ Австріи, безъ всякаго вознагражденія для Россіи; въ 1739 г., мы возвращаемъ завоеванные нами Азовъ и Таганрогъ только чтобы облегчить Австріи заключеніе мира съ Портою.—Въ семилѣтнюю войну, мы завоевываемъ почти все тогдашнее королевство прусское, а одна часть его, Восточная Пруссія приносятся присягу на подданство Россіи; въ 1761 г. мы возвращаемъ все безвозмездно и возстапавливаемъ королевство, которое такъ упорно разрушали. Пріобрѣтеніе 4-й остзейской провинціи было конечно не желательно, но берега Вислы вплоть до устьевъ были тогда еще славянскими, и удержаніе Восточной Пруссіи для мѣны съ Польшею на одну изъ русскихъ провинцій, могло бы укрѣпить союзъ съ союземеннымъ государствомъ и сдѣлать изъ лишнимъ его раздѣлъ.

При Екатеринѣ II, мы подарковъ территорій никому не дѣлали, вѣли войны и дѣлали пріобрѣтенія для самихъ себя, вознаграждая отчасти защитою внѣшняго государственнаго интереса за тягости внутренняго управленія. При ея преемникахъ начинается періодъ усиленнаго служенія чужимъ интересамъ, войны ведутся и завоеванія дѣлаются исключительно для другихъ и жертвы приносимы Россіей ничѣмъ не вознаграждаются.

Въ 1799 г. Суворовъ и Сениавинъ завоевывають всю Италію, и если южная и средняя возвращаются ея прежнимъ обладателямъ, то сѣверная отдается, безъ матѣшаго возмездія, Австріи. При видѣ такого нехода блистательнѣйшей изъ русскихъ кампаній, можно отъ души порадоваться, что Платову не пришлось завоевывать Индію для подобнаго же подарка Франціи. — Въ 1801 г., мы даримъ Англіи островъ Мальту, уступка неважная для насъ, такъ какъ мы не могли удерживать этого владѣнія, но по важности его для Англіи, заслуживавшая нѣкотораго эквивалента. — Въ 1805, 1806, 1807 гг. мы ведемъ войны для доставленія территоріальныхъ и другихъ выгодъ нашимъ союзникамъ, не считывая, въ случаѣ успѣха, на пріобрѣтенія и платая за неудачу дѣйствительными утратами: въ 1807 г., мы уступаемъ лучшіе плоды успѣховъ нашего флота,—желавшіе остаться подъ нашимъ покровительствомъ, Ионическіе остро-

ва, Бокке ди Каттаро и Дубровникъ. — Въ 1809 г., мы не только даримъ, завоеванной нами и уступленной русскому государству, Финляндіи полную самостоятельность, — подарокъ, или лучше сказать, мѣра столь же полная справедливости, какъ и государственной мудрости, — но и присоединяемъ къ связанному только династически съ имперіей, великому князеству прежнія русскія провинціи; присоединение уѣздовъ Нидерландской и большей части Выборгской губерній, если оно и противорѣчало тогдашней государственной теоріи, то по крайней мѣрѣ, оправдывалось съ точки зрѣнія повѣйшей теоріи національностей, по присоединение къ Финляндіи отъ Россіи чисто русскихъ мѣстностей Выборгской губерніи, напр. всего Кекегольмскаго уѣзда, — можно назвать только подаркомъ.

Противоположное явленіе представляетъ букарештскій миръ, по которому, отъ освобожденной нами Молдавіи, мы присоединили къ Россіи одну половину — Бессарабію, предоставивъ другую половину и всего Балкану, въ полное распоряженіе Турціи, и не выговоривъ даже ничего въ пользу отдавшейся подъ наше покровительство Сербіи; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, все оправдывалось приближавшеюся грозой наполеоновскаго нашествія.

Со славою окончивъ отечественную войну, мы продолжали войну за интересы Пруссіи, Австріи, Англіи, и своимъ непреклоннымъ участіемъ доставили окончательную побѣду коалиціи и громадные выгоды всѣмъ участвовавшимъ въ ней державамъ, — кроме одной Россіи. Напротивъ, при утвержденіи новаго порядка вещей на вѣскомъ конгрессѣ, мы сдѣлали опять цѣлый рядъ территориальныхъ подарковъ. Такъ еще въ 1814 г. мы передали Пруссіи все занятое нашими войсками королевство Саксонское, изъ котораго только половина, стараніями другихъ великихъ державъ, могла быть возвращена прежнему обладателю. Отъ самой Россіи мы отдѣлили земельскій округъ съ столь важными для насъ устьями р. Нѣмана, и прилегавшій къ Волини тарнопольскій округъ; первый мы уступили Пруссіи, а послѣдній Австріи. Обѣ эти уступки одинаково противорѣчатъ, какъ юридической государственной теоріи, такъ и національной: ослабляя защиту нашей границы и жертвуя торговыми выгодами, (стоитъ только вспомнить всѣ притѣсненія, испытываемыя русскими судами на Нѣманѣ, споры и пререканія о навигациіи въ 1879 и 1880 гг., чтобы понять стоимость для Россіи такого подарка) мы въ тоже время отдали литовское населеніе во власть нѣмцевъ, а малорусское во власть поляковъ.

Это было сдѣлано, говорятъ, для доказательства безкорыстія русскаго правительства; но, оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько правительство можетъ быть безкорыстнымъ въ ущербъ своему народу, — нужно ли было давать подобное доказательство и на счетъ слабыхъ и бывшихъ подъ покровительствомъ Россіи союзниковъ? такъ Дубровникъ напрасно умолялъ о сохраненіи, возстановленнаго жителями по изгнаніи французомъ, прежнего пароднаго правительства:

славянская республика была безъ возраженія уступлена Австріи; вмѣстѣ съ тѣмъ, той же державѣ были уступлены и каттарскія бокке, два раза завоеванныя Черногоріей и связанные съ ней всѣми географическими и этнографическими условіями.

Вознагражденіемъ за всѣ эти уступки или лучше сказать подарки, должно было служить герцогство Варшавское, но и эта страна, завоеванная русскими оружіемъ и о присоединеніи которой къ Россіи хлопотали даже сначала иностранныя кабинеты, была превращена въ особое государство; казалось бы, что въ этотъ разъ, принципъ національности былъ поставленъ выше интереса государственнаго, но и здѣсь введеніе въ царство польское литовскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ населеній свѣдѣтельствовало только о щедрости возстановителя Польши, щедрости, готовившейся перейти всякую мѣру присоединеніемъ къ новому государству всей Литвы, Бѣлоруссіи и правобережной Украйны: это былъ бы самый колоссальный подарокъ во всемирной исторіи. — Въ общемъ итогѣ, всѣ громадные усилія и жертвы русскаго народа въ эпоху великихъ европейскихъ войнъ не получили никакого вознагражденія (если не считать таковымъ присоединеніе Брестъ-Литовска въ 1807 г.), тогда какъ всѣ союзники Россіи приобрѣли необычайныя выгоды, при чемъ Пруссія увеличилась чуть не вдвое. Связь съ царствомъ польскимъ, которая должна была фатально повести къ фактическому присоединенію его въ 1831 г., и попыткамъ совершеннаго слитія съ Россіей, началась съ 1864 г., ни въ какомъ случаѣ не могла считаться прибавленіемъ могущества имперіи, а скорѣе источникомъ ослабленія.

Бывшій дипломатъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ. VIII.

Социалистическій процессъ въ Лейпцигѣ. Избирательная агитация. Деморализация низшихъ кл. совѣтъ, какъ агитационный приемъ правительства и юнкерской партіи.

10 Октября начался въ Лейпцигѣ процессъ противъ 15 социалистовъ,* изъ которыхъ 12 рабочихъ, одна работница — извъ Марта Дегеля, остальные — литераторъ Даве (бельгіецъ), стенографъ Ватерингтрайтъ и Мецковъ, принадлежавшіе къ торговому классу. Арестованы они были около года тому назадъ и все время провели въ предварительномъ заключеніи. Первоначально арестованы были 44 человека, но затѣмъ, въ іюль этого года, 29 изъ нихъ освобождены. Существенные пункты обвиненія состоятъ въ слѣдующемъ: въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Дармштатѣ и окрестностяхъ подсудимые дѣлали приговоровъ къ предпріятіямъ, имѣющимъ характеръ государственной измѣны и образовали группы, существованіе, цѣль и организація которыхъ должны были сохраняться въ тайнѣ отъ правительственныхъ учреждений; далѣе, они распространяли запрещенныя изданія съ цѣлью возбужденія разныхъ классовъ общества къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ существующаго строя, а сдѣлатъ — къ непослушанію начальству. Кроме того, одинъ изъ обвиняемыхъ, Браунъ, укралъ на одной фабрикѣ 4 бутылки сѣрной кислоты, по одной бутылкѣ стрихнина и атропина. Нѣкоторые изъ воззваній, въ распространеніи которыхъ обвиняются подсудимые,

* Причисленныхъ прокуроромъ и судомъ къ фракціи социальныхъ революціонеровъ.

озаглавлены слѣдующимъ образомъ: „Къ нашимъ братьямъ въ казармахъ“, „Какъ затѣваются войны?“ и „Революціонная Соціальная демократія“.

Во время суда обнаружился рядъ грисностей со стороны полиціи, прокуратуры и судебного слѣдователя. Послѣдній поддѣлывалъ или фальсифицировалъ показанія подсудимыхъ. Никакіе протесты послѣднихъ не помогали. Снявъ допросъ съ подсудимаго, судебный слѣдователь Гольманъ диктовалъ уже затѣмъ секретарю показанія, какія ему угодно было. Когда же подсудимый отказывался затѣмъ подписать протоколъ, слѣдователь уличалъ его во лжи и противурѣчій и угрожалъ безконечнымъ заключеніемъ „до тѣхъ поръ, когда вы почерите“, если онъ не подпишетъ измышленія Гольмана. Потерявъ всякое терпѣніе и не предвидя значенія тѣхъ или другихъ показаній, а многие изъ опасенія передъ долгимъ заключеніемъ, обыкновенно подписывали фальсифицированный протоколъ, въ надеждѣ черезъ нѣсколько дней новыми показаніями исправить его. По прошедшѣ мѣсяца, другой, прежде чѣмъ вызвали подсудимаго снова къ допросу, и при малѣйшемъ отступленіи его отъ прежнихъ показаній, его уличали, ссылаясь именно на нихъ, и еще болѣе запутывали. Такимъ образомъ группы для сборовъ пожертвованій въ пользу изгнанныхъ и заключенныхъ въ тюрьму, превратились подъ перомъ судебного слѣдователя въ тайное сообщество для организаціи насильственнаго государственнаго переворота; полученіе „Freiheit“ и передача ее знакомому — въ организацію распространенія революціонной газеты и въ предводительство въ тайныхъ группахъ, образованныхъ съ цѣлью возбужденія низшихъ классовъ противъ высшихъ.

Кромѣ фальсификаціи протоколовъ, заключенные подсудимые окружены были шпионами изъ уголовныхъ преступниковъ, простыхъ мошенниковъ и т. п. совѣдей по заключенію. Такъ подсудимаго Даве всевозможными способами заставляли гулять вмѣстѣ съ заключеннымъ многократнымъ мошенническимъ продѣлкомъ Шнитцеромъ, которому поручено было вкрасться въ доверіе подсудимыхъ и взять на себя тайную передачу отъ нихъ записокъ ихъ родственникамъ и вообще посредничество между ними самими. Графъ Штальфрідъ, шефъ политической полиціи въ Берлинѣ, „пригласилъ меня и жену мою къ себѣ, — заявилъ Шнитцеръ откровенно на судѣ въ качествѣ свидѣтели, — и сказалъ: „Если вы все это такъ выполните, то у насъ за 1000 марками дѣло не станетъ“. Кроме того судебный слѣдователь Гольманъ обвинялъ его, что въ случаѣ осужденія за мошенничество, постарается освободить его при помощи прошенія о помилованіи.

Еще безобразнѣе въ этомъ процессѣ роль президента франкфуртской полиціи, Румфа, который при помощи своего агента Горша сочиняетъ заговоръ на свою драгоценную жизнь. Агент провостеигъ Горшъ подговариваетъ одного изъ подсудимыхъ добыть ему сѣрную кислоту, другихъ вовлекаетъ въ пособничество себѣ — и затѣмъ всѣ арестованы. Когда же Горшъ послѣ двухмѣсячнаго заключенія заявилъ судебному слѣдователю, что онъ арестованъ по собственному желанію, изъ опасенія мести со стороны социалистовъ, такъ какъ онъ собственно шпионъ, то началась переписка между Гольманомъ и президентомъ полиціи, черепнекъ, въ которой нравственная низость „охранителей основъ“ проявляется въ самой рѣзкой формѣ. Гольманъ упрекаетъ Румфа въ томъ, что онъ не предупредилъ его относительно Горша, съ которымъ бы въ такомъ случаѣ обращались лучше, чѣмъ съ остальными подсудимыми, да и мѣры къ его освобожденію были бы своевременно приняты. Румфа сознается, что это была съ его стороны оплошность и что Гольманъ можетъ мотивировать освобожденіе Горша недостаткомъ уликъ. Далѣе онъ проситъ судебного слѣдователя не приобщать этой переписки къ документамъ по слѣдствію, разъясняя въ тоже время значеніе agent провостеига для обезпеченія государства отъ революціонной агитациіи и заговоровъ. „Я поступилъ такимъ образомъ въ интересахъ моего императора“ и т. п. основъ — заявляетъ

глава франкфуртских охранителей, прибавляя, что его тактика относительно врагов престола и отечества теперь повсюду считается самой целесообразною. Разумеется, и обер-прокурор, и судебный следователь согласились с президентом полиции — и Горнг был выпущен на свободу. Об этой истории узнали и подсудимые и адвокаты и по их требованию (а еще вероятнее, чтобы несколько скомпрометировать прусское правительство, что должно было быть приятно партикуляристским тенденциям саксонских судей) судьи заставили Гольмана и Румфа представить их переписку по этому делу. Как ни скандально было поведение охранителей, обер-прокурор не постыдился однако заявить перед судом, что хотя он и не приверженец иезуитского принципа „цель оправдывает средства“, он однако находит, что для предупреждения революционных действий, угрожающих государству и обществу, дозволительны и приемы, пущенные в ход президентом полиции.

Не смотря, однако, на то, что пассивная роль подсудимых (той части, которая была привлечена Горнгем) в деле проэктивирования Румфом на самого себя заговора вполне выяснилась на суде, не смотря даже на то, что ни существование сообщества, ни даже организованного распространения „Freiheit“, а тем более приверженности подсудимых к ее тенденциям не были доказаны, все подсудимые, исключая 4, приговорены были от одного года до 2 лет и 7 месяцев заключения в каторжной тюрьме (Zuchthaus)* и к потере чести (Ehrverlust). Характерен мотив этого приговора: Судьи признают, что мотивы политических преступлений могут быть и идеальными свойствами, но по отношению к осужденным о политическом мученичестве и речи быть не может, так как мотивами их действий являются только злоба и зависть. Поэтому судья счел нужным переступить (hinausgehen) наказание предложенное прокурором и приговорить подсудимых к лишению гражданских прав на „многие годы, чтобы таким образом наложить на них клеймо бесчестного деяния (That)“. Характерны также мотивы приговора берлинского журналиста Даве. Хотя он и арестован был очень скоро после приезда своего в Германию и не доказано было, чтобы он стоял в каких либо деловых сношениях с кем либо из подсудимых, судья однако приговорил его к 2 годам каторжной работы, на том основании, что и он несомненно „человек действий, как это видно из его речи в честь коммуны (произнесенной во Франции) и из его сношений с Луизой Минель. И хотя каторжную тюрьму для него гораздо тяжелее перенести, тем для прочих осужденных, но нельзя приговорить его к простому тюремному заключению, не нарушая „интересов справедливости“ (в виду осуждений остальных в каторжную тюрьму).

Этот процесс представляет собою яркую иллюстрацию поведения высших классов в борьбе против освободительных устремлений эксплуатируемого большинства. Говорим мы нарочно: высших классов, а не специально правительства, потому что в Германии, даже и в настоящий момент, бюрократия, а тем более члены суда — не простые агенты высшего правительства, но и сознательные охранители интересов буржуазии в общепринятом смысле этого слова (включая и землевладельцев). Теперешние судьи в Германии состоят из тех же элементов, которые и до „социалистического закона“ преследовали, на сколько возможно было, социалистов при громких одобрениях либеральной буржуазии. При ее же помощи и санкции проведен был закон против социалистов и осадное положение в различных частях Германии. В тиснностях послѣдняго процесса, как и в прочих преследованиях социалистов, громадное большинство буржуазии — консервативной и либеральной — столь же солидарно поэтому с правительственными агентами и судом, как и само правительство, ко-

торое все-таки, не смотря на частичную оппозицию со стороны либералов, является в конце концов представителем и органом имущественных классов. Только сословная ненависть способна была продиктовать такой безчеловечный для германских правов (разумеется не для русских) приговор почти исключительно за мысли, за социалистический образ мышления. Заметьте, все подсудимые даже своим поведением на суде не могли возбудить личного раздражения против себя в судьях особенно гордых или чересчур революционными поведением. Хотя они все признали себя социалистами, но никто не признал себя безусловным приверженцем крайняго направления газеты „Freiheit“. Только один Даве занял себя анархизмом и убежденным в неизбежности разрыва обществых противоречий современности революционным путем. Мы не станем бросать грязью в осужденных за их не очень героическое поведение. Обремененные семьями, без всяких средств существования, кроме личного труда, люди среднего нравственного типа, они не ринулись на гордо, вопли революционное поведение на суде и не выступили во время процесса в качестве обвинителей существующего строя. Мы, по крайней мере, не ринуемся обвинять этих людей за то, что они не герои. Они во всяком случае не панихи, ни на следствие, ни перед судом своим социалистическим убеждением. Но тем скромнее было поведение подсудимых, тем больше омерзения вызывалось в порядочных людях жестокий приговор судей после того, как перед ними выступили, в качестве свидетелей со стороны прокурора, ряд шпионов, уголовных преступников и всевозможных мошенников, которым обычно было прощение за грехи и т. п. блага за их „патристическое“ русение и наконец после обнаружения тиснностей со стороны судебного следователя и полиции. Все это вместе взятое реально характеризует буржуазию в борьбе против эманипационных стремлений рабочих классов, и нам, русским социалистам, осужденным историей своими головами добывать конституцию, очень не хочется знать, как поступает сама буржуазия с социалистами, когда она достигает политического господства.

В то время, как мы пишем эти строки, в Германии уже подходят к концу выборы. На днях будет извещен и результат их по отношению к социалистам. Пока же мы знаем только об арестах и изгнаниях повсюду сколько нибудь влиятельных и инициативных социалистов, чтобы таким образом дезорганизовать избирательные социалистические комитеты. В Гамбурге возобновлено на год осадное положение и сверх того распространено на Гамбург, куда переселились некоторые из изгнанных из Гамбурга. Во многих местах собраны либералы и т. п. закрывались при одном заявлении социалиста о предоставлении ему слова. В довершение всего в прусских рудниках официально запрещено принимать рабочих из Саксонии (наибольше зараженной социализмом).

Все это, конечно, не останавливает избирательную агитацию социалистов. В Майнце Любкехту удалось даже в одном собрании произнести длинную речь. Во многих других собраниях, по крайней мере, в Южной Германии, социалистам (иногда изгнанным из Северной Германии) хотя в кратких словах удавалось прокламировать своего кандидата, после чего, протест, следует чаще всего арест или изгнание. В одном Вармен, в собрании, созванном консерваторами, оказалось громадное большинство социалистов, которые в ответ на восклицание президента: Ура в честь императора (Hoch!) воскликнули: Да здравствует Огенгеймер — социалистический кандидат. Разумеется, собрание немедленно было закрыто. Воззвания социалистическая распространяются в десятках тысяч экземпляров. В Мюнхене, пишут берлинская „Volkszeitung“ и другие газеты, в один вечер в теченіи короткаго времени во всех домах розданы были избирательные социалистическіе бланки с разными наставлениями против злоупотребле-

ний со стороны противников и администраций. В Дрездене недѣль двѣ тому назад арестованы были два ящика съ социалистическими прокламаціями. Пѣсколько дней спустя розданы были 40.000 экземпляровъ еще болѣе рѣзко составленной прокламаціи, а на дняхъ въ подобныхъ же размѣрахъ распространена новая прокламація въ Дрезденѣ же. Аналогичная же агитация ведется и во многихъ другихъ мѣстахъ Германіи.

Не смотря, однако, на всѣ успѣхи социаль-демократовъ, крайне сомнительно, чтобы имъ удалось погнѣть хотябы только половину голосовъ на выборахъ 78 года. Если въ цѣвущія времена германской свободы крупныя фабрики позволяли себѣ водить къ избирательнымъ урнамъ своихъ рабочихъ, то что такое нбудь стадо, то темъ въ большихъ размѣрахъ будетъ это практиковаться и теперь. Реакція же чистокровная въ свою очередь напрягаетъ всѣ успѣхи, не брезгая самыми тиснущими средствами, для доставленія побѣды своимъ кандидатамъ. Кроме всевозможныхъ полицейскихъ преслѣдованій социалистовъ, правительство и консерваторская партія пускаютъ въ ходъ прямо опасныя масть, за добиваніе ихъ даровыми пирушками въ громадныхъ локалахъ Берлина. На дняхъ праздновалъ день рожденія наслѣдника, и болѣе 50 самыхъ большихъ пивныхъ Берлина были за-благовременно наняты компаніей Штекера, гдѣ въ назначенный день на ея счетъ пировало болѣе сотни (кажется около 1 1/2) тысячъ бѣднаго люда, произносившаго консервативныя речи и раздававшая избирательныя бюллетени. Въ меншихъ размѣрахъ это производится каждый день въ разныхъ частяхъ города. Что же удивительнаго, что если экономическая зависимость, административныя преслѣдованія, общаго и за добиванія подкуномъ и пивомъ массы лицъ, лишенныхъ работы или безхарактерныхъ, наконецъ систематическое изгнание инициативныхъ элементовъ, — что удивительнаго, если результаты послѣднихъ выборовъ окажутся далеко не благопріятными, темъ прежде? Не нужно уисекать при этомъ изъ виду, что многія тысячи социалистовъ — одинъ изъ отвращеній къ парламентаризму, другіе изъ боязни передъ преслѣдованіями — воздержатся совершенно отъ голосованія. Но какъ бы плохи не были непосредственныя результаты выборовъ для социаль-демократовъ, они во всякомъ случаѣ или точнѣе именно поэтому и послужатъ сильнымъ толчкомъ для обостренія классовой борьбы въ Германіи. Если окажется, говорится въ заключеніи руководящей статьи „Социальдемократ“ (№ 43, отъ 2 окт.), что намъ невозможно вести избирательную борьбу, мы примемъ за другія средства борьбы“. „27 октября рѣшится вопросъ не о томъ, будемъ ли мы продолжать борьбу, а о томъ, какъ мы будемъ дальнѣе бороться. Только въ этомъ смыслѣ день этотъ является рѣшительнымъ моментомъ“ (Entscheidungs-tag).

P. S. Только что получены въ редакціи „Социальдемократ“ телеграммы, извѣщающія, что пока вѣстны только результаты голосованія (для социалистовъ) въ 20 округахъ: 3 социалиста пропали, 17 — получили или недостаточное большинство голосовъ или значительное меньшинство, такъ что будутъ еще разъ баллотироваться. Пока общія цифра голосовъ социалистическихъ извѣстна только въ Берлинѣ, гдѣ она доходитъ до 30.000. Вообще результаты не благопріятны для партіи Висмарка. Во многихъ мѣстахъ выиграла прогрессивныя и радикальныя демократы на счетъ консерваторовъ и либераловъ. Изъ которыхъ изъ демократическихъ кандидатовъ весьма тѣсно примыкаютъ къ социалистамъ по своему направленію. Вообще результаты выборовъ превзошли самыя оптимистическія ожиданія социалистовъ, принимая во вниманіе, что въ большинствѣ мѣстностей не только соц. кандидатамъ, но и другимъ членамъ партіи неслзи было агитировать среди массы. Во многихъ округахъ число соц. голосовъ значительно возросло.

*) Одного, впрочемъ, присудили на годъ просто тюремнаго заключенія.